

11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики — М. : Начала, 1997. — 180 с.

12. Філіпенко А. С. Глобальні форми економічного розвитку: історія і сучасність. — К. : Знання, 2007. — 670 с.

13. Цивілізаційна структура сучасного світу. У 3-х т. Т. I. Глобальні трансформації сучасності / Ю. М. Пахомов, Ю. В. Павленко та ін. — К. : НАНУ, 2009. — 687 с.

Статтю подано до редакції 31.01.14

УДК 339.837.2:316

Е. В. Жуковская,

Харьковский гуманитарный университет
«Народная украинская академия»
г. Харьков, Украина

ВКЛАД СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ И ЕГО РОЛИ В ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ОБЩЕСТВА

АННОТАЦИЯ. В работе рассмотрены основные социологические подходы к исследованию сущности доверия. Представлено развитие понимания категории доверия. Показаны различные подходы к выделению классификационных признаков и функций доверия. Обосновывается возможность применения рассмотренных подходов для анализа механизмов становления и развития рыночных институтов в условиях трансформаций экономической системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доверие, социология, классификация доверия, трансформационные процессы, междисциплинарная методология.

АНОТАЦІЯ. Розглянуто основні соціологічні підходи до дослідження сутності довіри. Представлено розвиток розуміння категорії довіри. Показано різні підходи до виділення класифікаційних ознак і функцій довіри. Обґрунтовано можливість застосування розглянутих підходів для аналізу механізмів становлення і розвитку ринкових інститутів в умовах трансформацій економічної системи.

КЛЮЧОВІ СЛОВА: довіра, соціологія, класифікація довіри, трансформаційні процеси, міждисциплінарна методологія.

SUMMARY. The basic sociological approaches to research of essence of trust are considered. Development of understanding of trust category is presented. The different approaches to extraction of classification features and functions of trust are shown. Possibility of application of the considered approaches for the analysis of mechanisms of establishment

and development of market institutes in the conditions of transformations of the economic system is grounded.

KEYWORDS: trust, sociology, classification of trust, transformation processes, interdisciplinary methodology.

Исторически, в силу своей специфики, доверие исследуется широким спектром гуманитарных наук (социология, психология, политология, философия, экономика), а также на их стыках. Междисциплинарный характер категории доверия проявляется в существовании большого числа разнообразных определений и типологий доверия, в основном отвечающих целям конкретных исследований. Методологический материал изучения доверия, разработанный в рамках комплекса гуманитарных наук, является основой для понимания сущности проявления доверия в сфере экономических отношений, его функции и места в хозяйственной системе.

Современные концепции доверия представлены в работах социологов: Б. Мисштал, А. Селигмена, П. Штомпки, Ф. Фукуямы, К. Оффе, Г. Моллерины, Л. Зуккер, Дж. Коулмана, Р. Патнэма и др. С нашей точки зрения, экономика не использует в полной мере достижения в концептуализации доверия, привнесенные другими науками.

Цель данной работы — проанализировать основные социологические подходы к исследованию сущности доверия и оценить возможность их применения в изучении роли доверия в становлении и развитии рыночных институтов в условиях трансформаций экономической системы инверсионного типа.

Основополагающий вклад в осмысление понятия доверия оказал Г. Зиммель. В модели Г. Зиммеля доверие имеет три источника в своем основании: слабое индуктивное знание, труднообъяснимый социально-психологический элемент веры и взаимность как реляционное свойство доверия [3, с. 406–407].

Таким образом, положено начало поиска места доверия в триаде знание — доверие — вера. Идентификация взаимности в структуре оснований доверия подчеркивает реализацию доверия в процессе социальных взаимодействий и ставит вопрос о его адекватности.

Результаты анализа природы доверительных отношений Г. Зиммеля были позже восприняты и развиты такими исследователями, как Н. Луманн и Э. Гидденс. По мнению Б. Мисштал, теория доверия Г. Зиммеля обеспечивает теоретическую структуру для анализа как межличностного, так и безличного доверия [3, с. 403].

Н. Луманн отмечает, что доверие сокращает социальную сложность через обобщение в пределах системы [3, с. 409]. Анализируя роль и функции доверия в социальной системе и повседневной жизни в координатах риска, неопределенности и возможности альтернатив, ученый разграничивает понятия фамиллярность (как объективная осведомленность о реальности), уверенность (когда не рассматриваются альтернативные варианты поведения) и доверие (которое возникает только в ситуации, когда возможный ущерб больше, чем получаемое преимущество). По его словам, в противном случае доверие не возникает, а вопрос сводится к рациональной калькуляции и действия будут приняты в любом случае, так как риски находятся в допустимых пределах [2, с. 98].

В написанных в рамках социологии работах Н. Луманна проявление доверия в обществе иллюстрируется на примерах, взятых из сферы экономических отношений. Например, ученый отмечает, что, как участники экономики, субъекты должны быть уверены в деньгах, иначе они не будут принимать их как часть ежедневной жизни, но они также должны в определенной степени им доверять, чтобы сберегать и инвестировать. Доказывая тезис о том, что доверие предполагает наличие риска и альтернативы (автор приводит пример рынка «лимонов»), Н. Луманн акцентирует внимание на том, что, тем не менее, доверие также может становиться элементом рутины и обычного поведения [2, с. 97–98].

Для трансформационных условий в высшей степени актуальной становится проблема снятия неопределенности и анализ альтернатив. В обществе наблюдается дивергенция формальных и неформальных норм: укорененные стереотипы поведения расходятся с формально предписанными образцами поведения, да и сами формальные нормы часто рассогласованы. Как видим, вклад Н. Луманна ценен не только определением сферы возникновения доверия, но и тем, что ученый делает шаг в сторону институционального подхода к доверию. Акцентируя внимание на возможности доверия (как мы понимаем, при определенных условиях) становится элементом рутины, ученый выявляет институциональную природу доверия, фактически, говоря об институционализации нормы доверия.

Как видим, ученый разводит понятия доверия и уверенности (что вообще свойственно социологическим подходам к исследованию доверия), отмечая реализацию доверия в процессе осуществления выбора. Акцентируя внимание на мерности доверия,

Н. Луманн закладывает предпосылки количественного измерения доверия (в отличие от уверенности). В экономическом подходе к определению доверия А. А. Гриценко эти два аспекта определенным образом увязываются: уверенность понимается как элемент внутренней структуры доверия, а само доверие определяется как мера уверенности [7, с. 16].

Г. Франкель, Д. Льюис и Э. Вейгер, отталкиваясь от идей Г. Зиммеля и Н. Луманна, описывают доверие как функциональную альтернативу рациональному расчету для сокращения сложности [3, с. 410].

Важный вклад в развитие концепции безличного доверия внес Э. Гидденс. Отмечая принципиальное усложнение современной жизни, ее обезличенность, ученый анализирует и характер усложнения отношения доверия. По словам Э. Гиденса, сама природа современных институтов глубоко связана с механизмами доверия к абстрактным системам [1, с. 83]. Выделяя кроме межличностного доверия доверие к абстрактным системам, ученый подразделяет его на доверие к символическим знакам (например, деньгам) и доверие к экспертным системам. Современность привносит сложность и риски иного характера, так как невозможно в «точках доступа» адекватно оценить надежность абстрактной системы, а остается полагаться только на надежность лежащей в ее основе экспертизы.

Т. А. Кричевская пишет, что в классификации форм доверия Э. Гидденса отражен процесс институционализации доверия: доверие к людям и доверие к абстрактным системам, предполагающие личные и безличные обязательства соответственно [8, с. 9]. Однако, по нашему мнению, наличие «безличных обязательств» в данном случае говорит не об институционализации доверия, а о различной внутренней природе межличностного и институционального доверия.

Следует обратить внимание, что не вполне правомерным, с нашей точки зрения, является, также, приравнивание обобщенного доверия к результату институционализации доверия к институтам. Обобщенное доверия — это один из видов доверия, который, при определенных условиях, может быть институционализирован, и доверие к институтам выступает вспомогательным механизмом, способствующим этому.

В обобщенном виде разнообразие отношений доверия по объектному признаку можно классифицировать следующим образом (рис. 1).

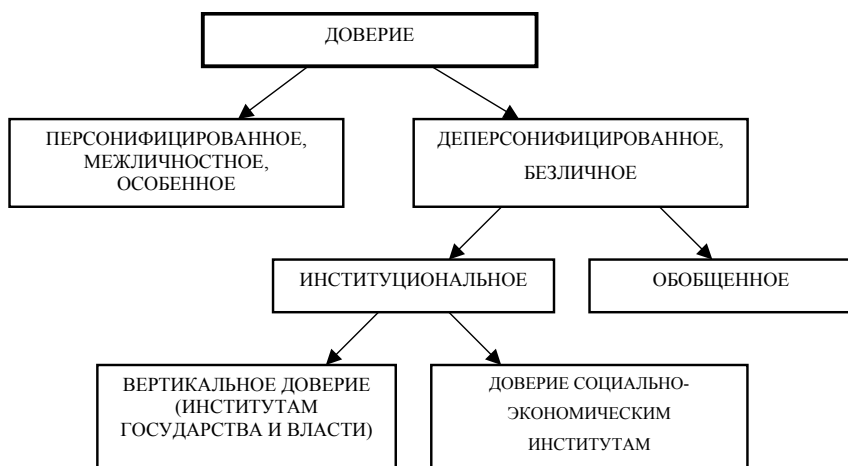

Рис. 1. Классификация отношений доверия по объектному принципу

Таким образом, институционализирован может быть каждый из приведенных видов доверия, если создаются механизмы обеспечения принуждения к его проявлению.

В методологическом плане, работа Э. Гидденса ценна глубоким анализом условий формирования доверия к институтам (абстрактным системам). Это одна из немногих работ, в которой понимание институционального доверия не сужается до рамок вертикального, доверия институтам государства и правопорядка. Функциональный подход Э. Гидденса в полной мере применим ко всем экономическим институтам. Так, например, качество установленной экспертизы предопределяет надежность работы всего финансового сектора.

Оригинальная интерпретация доверия как современного явления принадлежит А. Селигмену. В авторской трактовке, следствием разделения труда становится «безостановочный процесс системной дифференциации, структурирующей нашу жизнь в направлении постоянного усиления разнородности ролей, из-за чего нам все труднее становится сохранить уверенность в системе — ведь эта разнородность означает возникновение все большего числа зазоров между ролевыми ожиданиями и вовлекает нас во все более сложные типы ролевых отношений, в системы, члены которых находятся между собой в потенциально конфликтных отношениях» [9, с. 181]. Таким образом, формально урегулированной сфере социальных отношений соответствует уверен-

ность («системно определенное ожидание») в адекватности ролевых ожиданий, а доверие востребовано для урегулирования «зазоров» между моделями поведения, соответствующими предписанию отдельных ролей. Относя доверие к специфически современным феноменам, возникающим в результате изменения ролевого поведения, ученый не исключает возможности того, что последующие изменения приведут к его угасанию. Как видим, данный подход предполагает сознательное «свертывание» объектного поля доверия до межличностного уровня.

Данное понимание места доверия в социально-экономической жизни соответствует обществу с четко распределенными ролями и сформированными ролевыми ожиданиями. Инверсионная трансформация экономической системы влечет появление новых, несвойственных старой системе, ролей. Необходимо истечение достаточно большого периода времени, чтобы сформировались соответствующие ролевые ожидания. В трансформационном обществе как никогда остро стоит вопрос доверия потому, что безусловно урегулированной сферы отношений нет. По нашему мнению, конструктивно, с методологической точки зрения, использовать подход А. Селигмена для анализа предпосылок и факторов формирования институционального доверия. Хотя ученый в своих рассуждениях не затрагивал данный вид доверия в явном виде, заменяя его понятием уверенности.

Различные классификации доверия в зависимости от его «оснований» дают возможность изучить его природу и разработать эффективные (соответствующие) механизмы воздействия на уровень различных видов доверия.

Так, П. Штомпка предполагает, что каждый из трех выделяемых им уровней доверия имеет собственные «основания». Реляционное доверие основано на оценке надежности объекта доверия исходя из оценки доступной информации. Психологическая предрасположенность к доверию связана с особенностями процесса индивидуальной социализации субъекта доверия. Третий, культурный уровень, также подразумевает генеалогическую основу, но уже другого масштаба — коллективный, исторический опыт общества. Речь идет о культурах доверия как ценностно-нормативных системах, оказывающих независимое давление: или поощряя доверять другим и требуя быть заслуживающим доверия, или, наоборот, провоцируя недоверчивое отношение к другим. В культурах доверия преобладающие опыты аккумулируются и кодифицируются в правила. Если преобладает позитивный опыт, то для различных сфер социальной жизни доверие с боль-

шой вероятностью становится характерным правилом, складывается культура доверия. И наоборот, в случае распространения негативного опыта формируется культура недоверия [10, с. 6].

Диспозиционное доверие как ожидание доброжелательности контрагентов безотносительно к опыту предшествовавшего взаимодействия выделяют также такие ученые, как Дж. Роттер и Э. Усланер. Реляционное или отношенческое доверие как оценка надежности объекта исследуется в работах Р. Хардина, Э. Усланера и К. Кук [5, с. 172].

Как видим, различные основания доверия специфическим образом соотносятся с объектами доверия и, соответственно, имеют не только различные предпосылки, но и различные последствия в экономической системе. «Базовое» или диспозиционное доверие, вероятно, может послужить основой для обобщенного доверия, а реляционное или отношенческое доверие влияет на эффективность взаимодействий как внутри организации, так и между субъектами хозяйствования, служит основой для формирования институционального доверия.

Для анализа механизмов становления институтов рыночной системы хозяйствования особенно актуальна концепция «культурной травмы» посткоммунистического общества, предложенная П. Штомпкой. Вопреки распространенному мнению об уникальности перехода от коммунизма к капитализму и отсутствию прецедентов для теории трансформации, автор считает, что, несмотря на уникальность процесса, он протекает по универсальным законам. Атрофия моральной связи сопутствует периодам быстрых изменений. В частности, внезапному расширению подвергается сфера неуверенности, риска и угрозы, увеличивается непрозрачность структур и организаций, проявляется нормативная аномия, хаотичность и несогласованность старых и новых законов. Это порождает кризис доверия, как горизонтального — к другим, так и вертикального — к общественным институтам, ведя к культуре цинизма [6, с. 81]

Попытка исследования феномена доверия с точки зрения социологического неинституционализма принадлежит Г. Молерину. Констатируя отсутствие сформировавшейся неинституциональной школы исследования доверия, ученый отмечает, что в ее корни должны уходить в феноменологическую концепцию естественного отношения А. Щюца А. и концепции доверия Г. Гарфинкеля и Л. Зуккер.

Л. Зуккер идентифицирует и исследует три центральные модели выработки доверия, это три различных способа, с помощью

которых субъекты интерпретируют окружающий мир и правила для их взаимодействия [4, с. 10]. Основанное на процессе доверие связано с прошлыми или ожидаемыми взаимодействиями между специфическими субъектами. Оно замыкается внутри этих отношений и не может быть институционализировано. Доверие, основанное на характеристиках, происходит от социального сходства между субъектами. Оно имеет некоторую степень обобщения, так как подразумевает присвоение агентам внешних устойчивых характеристик (например, этническая принадлежность, пол) и увязывание их с общими ожиданиями. Третий вид доверия, основанный на институтах, описывает наборы общих ожиданий, полученных от формальных социальных структур, представленных, например, сигналами принадлежности к определенной профессии или ассоциации или посредническими механизмами, как, например, бюрократия, банковская система и правовое регулирование. Согласно Л. Зуккер, институты могут способствовать появлению доверия между субъектами, и такое доверие может быть институционализировано, когда лежащие в основе ожидания становятся относительно независимыми от времени и пространства [4, с. 11].

По мнению Т. А. Кричевской, методология социологической науки может быть полезной для усовершенствования институтов, регулирующих межличностные отношения непосредственно. Но там, где сами отношения погружены в основу, где возникает то, что социологи называют абстрактными системами, необходима другая методология. Преимущества экономического подхода заключаются в том, что исходя из свободы индивида, в нем обстоятельно рассматриваются принципы, на которых базируется доверие, что делает его продуктивным в нормативном плане [8, с. 17].

Однако, как видим, если исходить не из общих принципов социологической науки, а рассматривать частные теории доверия, то становится очевидным, что первичность роли общества и социализации в противовес свободе человека не является незыблемой. Напротив, в рассмотренных концепциях построение отношений доверия представляет собой активный процесс, в особенности со стороны субъекта, и степень его активности повышается в менее институционализированной среде. Субъекты не рассматриваются как пассивные воспроизводители институциональной структуры. Сознательно включаясь в процесс институционализации, они активно влияют на обстоятельства в процессе построения доверия. Субъекты коллективно воспроизводят институциональную структуру, которая затем служит им источ-

ником доверия (к другим субъектам), становясь одновременно также и объектом доверия (к институтам) [4, с. 26]. Источник доверия к институтам чаще всего связывают с оценкой эффективности их исторического функционирования, а не с особенностью социализации субъекта доверия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что междисциплинарная методология позволяет комплексно раскрыть сущность доверия во всей многогранности его проявления в социально-экономической системе. Анализ доверия как социального явления помогает раскрыть его роль в институциональной трансформации хозяйственной системы. В рамках перспективных исследований в данной сфере могут быть интересны вопросы, связанные с выявлением взаимосвязи между сетевыми эффектами доверия и динамикой экономической конъюнктуры.

Литература

1. *Giddens A. The Consequences of Modernity* / A. Giddens. — POLITY PRESS, 1996. — 186 p.
2. Luhmann, Niklas (2000) 'Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives', in Gambetta, Diego (ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*, electronic edition, Department of Sociology, University of Oxford, chapter 6, pp. 94-107, <<http://www.sociology.ox.ac.uk/papers/luhmann94-107.pdf>>.
3. Möllering G. The Nature of Trust: From Georg Simmel to a Theory of Expectation, Interpretation and Suspension / G. Möllering // *Sociology*. — Vol. 35. — № 2. — P. 403–420.
4. Möllering G. Understanding Trust from the Perspective of Sociological Neoinstitutionalism // MPIfG Discussion Paper 05/13. — 30 p
5. Oskarsson S. T., Svensson T. Power, Trust, and Institutional Constraints: Individual Level Evidence / S. Oskarsson, T. Svensson // *Rationality and Society*. — 2009; 21; 171.
6. Васильева Э. П., Штомпка П. Трудноучитываемые культурные факторы в быстрых социальных изменениях. Доверие, лояльность, солидарность / Э. П. Васильева // *Социология: реферативный журнал*. — 1999. — № 2. — С. 78–85.
7. Інститут довіри в координатах простору-часу : монографія / [А. А. Гриценко, Т. І. Артьомова, Т. О. Кричевська та ін.] ; за ред. Чл.-кор. НАН України, Ін-т екон. та прогнозув. — К., 2012. — 212 с.
8. Кричевская Т. А. Логико-исторический анализ доверия в контексте социально-экономических отношений / Т. А. Кричевская // *Экономическая теория*. — 2009. — №3. — С. 5–19.

9. Селигмен А. Проблема доверия. Перевод с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 256 с.

10. Фрейк Н. Петр Штомпка. Доверие: социологическая теория / Н. Фрейк // Социологическое обозрение. — Том 2. — № 3. — 2002. — С. 1–12.

Статтю подано до редакції 27.01.14

УДК 330.83(477-25)

О. П. Курбет, аспірантка
кафедри історії та теорії господарства,
ДВНЗ «Київський національний економічний
Університет імені Вадима Гетьмана»,
м. Київ, Україна

РОЛЬ КИЇВСЬКОЇ ПОЛІТЕКОНОМІЧНОЇ ШКОЛИ В СТАНОВЛЕННІ МЕТОДОЛОГІЧНОГО ІНСТРУМЕНТАРІЮ СУЧАСНОЇ ЕКОНОМІЧНОЇ ТЕОРІЇ

У сучасних наукових розвідках з економічної проблематики простежується поживання наукового інтересу до історико-економічних досліджень. На особливу увагу заслуговує період другої половини ХІХ–початку ХХ ст., коли відбувалося становлення провідних течій сучасної економічної думки — неокласики та інституціоналізму. Саме в цей час (70-ті роки ХІХ століття) формується Київська політекономічна школа. Представлена провідними київськими вченими, М. Х. Бунге, Д. І. Піхном, О. Д. Білімовичем, Є. Є. Слуцьким, Р. Орженцьким та іншими, вона набула світового визнання, а доробок її представників знайшов широке відображення у науковій літературі.

Однією з характерних особливостей дослідження економічної теорії (зокрема М. Х. Бунге, Д. І. Піхном та О. Д. Білімовичем) є надання першочергового значення методології, фундаментальним основам політекономії. Погляди вчених-економістів відзначалися своєю прогресивністю, сприймаючи нові ідеї в галузі економічної теорії, що мали місце на Заході, та розвиваючи їх у дусі міждисциплінарного аналізу.

У своїх працях представники Київської політекономічної школи намагались творчо поєднати ліберально-фритредерські погляди з основними методологічними позиціями німецької історичної школи та положеннями соціального напрямку економічної